

ными ¹⁾). Правда, тутъ за стѣной помѣщается отнюдь не рай, а какой то адъ, но развѣ эта картина не вполне схожа съ описаніемъ Саксона?

Такимъ образомъ мы доказали, какъ разсказъ Саксона и въ подробностяхъ зависитъ отъ исландской традиціи. Вниманіе заслуживаетъ также прозвище Торкиля—*adalfari*, которое сохранилось даже въ средневѣковой норвежской балладѣ, въ которой выступаетъ *Torkild Adelfar*. Въ производныхъ словахъ *adal* усиливаетъ значеніе главной части, такъ *adalskali*—главная комната, а *adalfari*—знаменитѣйшій путешественникъ. Невольно при этомъ припоминается прозвище Олда—*vidförlí*.

XLI.

Сага о Торстейнѣ Беармагнѣ ²⁾).

Свое прозвище *bæarmagn* ³⁾ Торстейнъ приобрѣлъ потому, что былъ выше роста большинства людей; въ этомъ отношеніи не было равнаго ему въ Норвегіи ⁴⁾. Когда Олафъ, сынъ Тригви, вступилъ на престолъ, Торстейнъ сдѣлался его дружинникомъ — *hirðmaðr*. Однажды Торстейнъ находился на востокѣ въ области *Balagardssída* ⁵⁾. Такъ какъ

¹⁾ 'Εν ταύτῃ δὴ τῇ Βριττῖᾳ νήσῳ τείχος ἐδείμαντο μακρὸν οἱ παλαι ἄνθρωποι, διχα τέμνον αὐτῆς πολλὴν τινα μοῖραν, ὅτι ἡ γῆ καὶ ὁ ἀῆρ καὶ τᾶλλα πάντα οὐχ ὁμοίως ἐφ' ἑκατέρᾳ ἐστὶ... πρὸς δὴ οὖντα δὲ πᾶν τοῦναντίον ὥστε ἀμέλει ἀνθρώπων μὲν οὐδὲ ἡμίωριον δυνατόν ἐστιν ἐνταῦθα βῖῶναι, ἔχεις δὲ καὶ ὄφεις ἀναριθμητοὶ καὶ ἄλλωλ θηρίων παντο ὁπὰ γένη διακεκλήρωται τὸν χῶρον ἐκεῖνον. Καὶ τὸ δὴ παραλογώτατον οἱ ἐπιχώριοι λέγουσιν ὡς εἰ τις ἄνθρωπος τὸ τεῖχος ἀμείψας ἐπὶ θάτερα ἴοι, εὐθυωρὸν θνήσκει, τὸ λοιμῶδες τῶν ἐκεῖνῃ ἀέρων ὡς ἤχιστα φέρων, τοῖς τε θηρίοις ἐνθάδε ἰοῦσιν ὁ θάρατος εὐθὺς ὑπαντιάζων ἐχδέχεται. Изданіе Компаретти, т. III, стр. 155—6.

²⁾ Fms. т. III, стр. 175—198.

³⁾ *Magn*—сила, но первая часть неясна. Можетъ быть, слѣдуетъ связать ее съ *bæg*—домъ, жилище, городъ; родительный падежъ былъ бы *bæjar*.

⁴⁾ *Engi var jafnstór í Noregi;... hann þótti ofmagni bera flestum húsum.*

⁵⁾ Определеніе это остается загадочнымъ; одни думаютъ, что это берегъ Помераніи между устьями Одера и Вислы, другіе ищутъ эту мѣстность въ Финляндіи.

не было вѣтра, Торстейнъ вышелъ на берегъ и пошелъ въ лѣсъ. Здѣсь у холма онъ увидѣлъ мальчика, который кричалъ: «матушка, выбрось мнѣ палку и перчатки, я хочу поскататься съ вѣдьмами—*ek vil á gandreið fara*. Получивъ требуемыя вещи, мальчикъ садится верхомъ на палку и убѣгаетъ; словомъ, онъ велъ себя такъ, какъ дѣти, когда онѣ играютъ. Тогда Торстейнъ выкрикиваетъ тѣ же слова надъ холмомъ и на вопросъ вѣдьмы поясняетъ, что онъ ея сынъ Біальби. Получивъ палку, онъ убѣгаетъ вслѣдъ за мальчикомъ. Они подошли къ широкой рѣкѣ и поплыли черезъ нее; но имъ казалось, что она дымилась какъ паръ ¹⁾). Затѣмъ они очутились въ мѣстности, гдѣ рѣка падала внизъ со скалъ. Торстейнъ увидѣлъ много поселковъ и большой дворецъ. Внутри—пиршество; вездѣ золото и серебро. Вино такъ и льется; царитъ общее веселье. Мальчикъ, никѣмъ не замѣченный, сталъ собирать все, что падало со стола. Королю представляется посольство изъ Индіи и преподноситъ ему перстень. Еще другую драгоценность примѣтилъ Торстейнъ—скатерть на столѣ короля. У ней бортъ весь изъ золота, а кромѣ того еще пришито 12 драгоценныхъ камней. Въ тотъ моментъ, когда король хотѣлъ надѣть перстень, Торстейнъ выхватилъ его у короля одной рукой, а другой сорвалъ скатерть со стола, такъ что всѣ яства и вина очутились на полу. Но при этомъ онъ выронилъ палку, которая дѣлала его невидимымъ для окружающихъ. Тотчасъ всѣ погнались за нимъ, но онъ благополучно достигъ рѣки и здѣсь сталъ отбиваться отъ своихъ преслѣдователей. Тутъ его настигъ уже мальчикъ и вручилъ ему потерянную палку. Тогда они скрываются отъ враговъ и возвращаются къ холму. На сей разъ мальчикъ входитъ въ холмъ. Въ немъ сидѣло двѣ вѣдьмы: одна ткала, другая качала ребенка. Имъ мальчикъ рассказываетъ о случившемся. Торстейнъ же возвращается къ своему кораблю и ѣдетъ въ Норвегію. Здѣсь

¹⁾ þeir komu at einni móðu ok steyptu sér ofan í hana ok var því þkast sem þeir vædi reyk... О дымѣ и парѣ упоминаетъ и Саксонъ, ср. выше, стр. 356.

онъ передаетъ королю Олафу похищенныя драгоцѣнности. Король хочетъ вознаградить его большимъ помѣстьемъ, но Торстейнъ заявляетъ о своемъ желаніи еще разъ отправиться на востокъ.

Весною Торстейнъ отправился на одномъ кораблѣ въ путь-дорогу, имѣя съ собой 24 человекъ. Въ Ямталандѣ онъ вышелъ на берегъ. Тамъ онъ увидѣлъ карлика, который плакалъ изъ-за того, что орелъ унесъ его ребенка. Торстейнъ прицѣливается и убиваетъ орла наповаль, а самъ ловитъ падающаго ребенка. Карликъ такъ обрадовался спасенію своего сына, что надѣлилъ Торстейна чудесными подарками: спасательной сорочкой, кольцомъ, гарантирующимъ постоянное богатство, и камнемъ, нося который дѣлаешься невидимымъ. Но самыми чудесными подарками являются трехугольный камень и стальной пруть. Камень былъ бѣлый въ серединѣ, на обратной сторонѣ красенъ, края же его были желтаго цвѣта. Если ударить пруткомъ по бѣлому мѣсту камня, то пойдетъ градъ. Ударивъ желтое мѣсто, можно вызвать солнечную погоду, такъ что весь снѣгъ растаетъ. Красное мѣсто же возбуждаетъ огонь, пепель и искры—*eldr ok eimugja með gneistaflavg*. Если же бросить пруть и камень во что нибудь, то они полетятъ обратно въ руку, если позвать ихъ. Хотя и стрѣлы Орварь-Олда обладали этимъ послѣднимъ свойствомъ, тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ намъ вспомнить, что то же самое говорится и о молотѣ Тора ¹⁾. Теперь принято производить названіе молота—*Mjöllnir* отъ того же корня, отъ котораго образовано и русское слово «молнія». Итакъ, этотъ молотъ принадлежитъ къ обширному кругу сказаній о заклинаніи погоды (*Wetterzauber*). Сближеніе съ нашимъ рассказомъ сводится и къ тому, что молотъ искусно скованъ дvergami ²⁾. Но съ другой стороны слово *hamarr* означаетъ не только «молотъ», но и «камень». Камень-молотъ несомнѣнно

¹⁾ *ef hann yrpi hánum til, þá mundi hann aldri missa, ok fljúga svá langt, at eigi mundi hanu sækja heim hönd. Sn. Edda, стр. 112. Skáldskaparmal. гл. XXXVII.*

²⁾ А именно—*Ivaldasygnir*. Тамъ же.

болѣе древній видъ атрибута Тора, чѣмъ работа дверговъ. Можетъ быть, на это указываетъ и такая подробность, что у молота слишкомъ короткая рукоятка ¹⁾. На основаніи вотъ этихъ то совпаденій я думаю, что смѣло можно отождествить камень Торстейна съ молотомъ Тора, хотя составитель саги снабдилъ его описаніе разными причудливыми подробностями. Пруть, который Торстейнъ еще получаетъ въ добавокъ, вѣроятно палка, которую держали въ рукахъ при колдовствѣ.

Затѣмъ Торстейнъ поѣхалъ дальше на востокъ. Вдругъ ихъ объѣхалъ мракъ, на пути же встрѣчались чудовища; полутора мѣсяца они блуждали по морю, не зная куда они держатъ путь ²⁾. Это краткое описаніе ихъ путешествія содержитъ всѣ тѣ характерныя подробности, которыя намъ приходилось отмѣчать уже раньше. Они стали на якорь въ длинномъ фіордѣ. Съ берега видны были живописныя горы и лѣса—*hlídir fagar ok skóga*. Но не было тамъ ни туземцевъ, ни звѣрей, ни дичи. Они соорудили палатку на берегу. Торстейнъ же отправляется на развѣдки, приказавъ своимъ людямъ ждать его семь дней. Цѣлый день Торстейнъ пробирался черезъ лѣсъ, только на слѣдующій онъ нашелъ широкую дорогу, вечеромъ же онъ ее потерялъ изъ виду. Тогда онъ взобрался спать на большой дубъ. Рано утромъ мимо него проѣзжаютъ 22 великана, но не замѣчаютъ его. Вскорѣ за ними ѣдутъ еще три; съ ними Торстейнъ вступаетъ въ разговоръ. Онъ имъ кажется столь маленькимъ, что по ихъ мнѣнію ему слѣдуетъ называться не *bæarmagn*, а *bæarbarn* = ребенокъ. Его собесѣдники Годмундъ, *Fullsterkr* = полносильный и *Allsterkr* = все-сильный. Далѣе мы узнаемъ, что владѣніе Годмунда *Glæsisvellir* подчинено государству великановъ — *Rísaland* или *Jötunheimar*, королемъ котораго является Герраудъ. Отецъ Годмунда былъ убитъ, когда онъ приносилъ дань Геррауду; теперь же послѣдній устраиваетъ по немъ поминки. Пер-

¹⁾ en þat var lýti á hamrinum at forskeptit var skamt. Тамъ же.

²⁾ Koma nú á fyrir þeim myrkr ok hafvillur, ok vita þeir ekki hvar þeir fara ok var þat hálfan mánuð at þessi villa hélzt.

выхъ 22 великана также принадлежать къ свитѣ Годмунда, и имъ нужно переправиться черезъ большую рѣку, которая отдѣляетъ ихъ владѣнія. Обыкновенныя лошади не могутъ перенести ее; поэтому эти 22 отправились вверхъ по теченію, чтобы перейти рѣку тамъ гдѣ она мельче. Торстейнъ хотѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ Годмундомъ, но послѣдній не соглашается на это ввиду того, что Торстейнъ христіанинъ. Торстейнъ однако беретъ всю отвѣтственность на себя. Воалѣ рѣки они надѣваются на себя и на лошадей непромокаемое платье. Вода въ рѣкѣ была такъ холодна, что Торстейнъ отморозилъ себѣ палецъ ноги, такъ что ему пришлось отрубить его.

Послѣднее происшествіе напоминаетъ подобный же случай съ Торомъ ¹⁾. Правда, не самъ Торъ пострадалъ отъ холода, а Орвандиль, но параллель тѣмъ не менѣе поразительная. Мѣстомъ дѣйствія въ обоихъ разказахъ является страна великановъ. Торстейнъ весь закутался въ непромокаемое платье; Орвандиль съежился въ корзинѣ. Но у обоихъ высунулся палецъ ноги. Торстейнъ отрубаетъ свой палецъ; Торъ отламываетъ отмороженный палецъ Орвандиля и бросаетъ его на небо. Что касается послѣдней черты, то она принадлежитъ уже къ другому кругу сказаній.

Сравнимъ теперь встрѣчу Торстейна съ Годмундомъ и разказомъ о Скримнирѣ ²⁾. Подобно Торстейну и Торъ со своими спутниками цѣлый день бродитъ по лѣсу ³⁾. Ночь они проводятъ въ перчаткѣ великана, въ то время какъ Торстейнъ спитъ на дубу. Но мнѣ кажется, что въ первоначальномъ разказѣ, по которому Торъ, вѣроятно, странствовалъ одинъ, безъ Локи и другихъ спутниковъ, онъ также спалъ на деревѣ. Вслѣдъ за этой ночью описывается другая, когда Торъ хочетъ убить Скримнира и трижды ударяетъ его молотомъ по головѣ. Каждый разъ Скримниръ

¹⁾ Эдда Снорри, стр. 105.

²⁾ Эдда Снорри, стр. 58 сл.

³⁾ þá er þau hófðu litla hrið gengit, þá varð fyrir þeim mörk stór; gengu þau þann dag allan til myrkr.

просыпается. но думаетъ, что листь или желудь упали ему на голову или что птицы сидятъ надъ нимъ въ вѣтвяхъ. Это извѣстная сказочная шутка. Но въ сказкахъ этого типа герой (портной или Иванушка-дурачекъ) всегда сидитъ на деревѣ и бросаетъ камни въ великана, отчего тотъ и просыпается. Основываясь на этихъ сказкахъ и на сагѣ о Торстейнѣ, слѣдуетъ думать, что существовалъ рассказъ о Торѣ, въ которомъ описывалась только одна ночь, та, въ которую онъ пытался убить великана. Но откуда взялся этотъ Скримниръ? По мнѣнію Уланда ¹⁾ Скримниръ замаскированный Утгардалоки, шутникъ, хвастунъ—Possentreiber, Praler. Это названіе будто бы указываетъ на тѣ состязанія, которыя Утгардалоки устраиваетъ съ Торомъ. Но мнѣ кажется, что имя Skrymnir слѣдуетъ толковать иначе: skrum = болтовня, skrumari = болтунъ, а Skrymnir такое же названіе великана, какъ Πολύφημος. Оба—болтуны, оба—великаны вѣтра. Такія названія ничего общаго не имѣютъ съ рассказами, въ которыхъ они теперь выступаютъ дѣйствующими лицами; онѣ возникли еще въ то время, когда демонологія народа находилась въ первичной стадіи своего развитія. Итакъ, Скримниръ ничего общаго съ Утгардалоки имѣть не можетъ; рассказъ же этотъ былъ очевидно вполне самостоятельнымъ сказаніемъ о Торѣ, развившимся на почвѣ сказокъ. По Саксону Торкиль тоже встрѣчаетъ сперва Годмунда, и вообще есть намеки на то, что Годмундъ былъ якобы официальнымъ проводникомъ всѣхъ, кто посѣщалъ царство Геррауда.

По прибытіи во дворець Геррауда Торстейнъ дѣлается невидимымъ. Въ первый вечеръ происходитъ обычное угощеніе. На другой день Герраудъ производитъ Годмунда въ короли—gaf honum konungsnafn, облакаетъ его въ золотую мантию и принимаетъ отъ него клятву вѣрности. Но въ залѣ находилось два мужа, которые завидовали Годмунду: Jökull=ледяная гора и Frosti=морозъ. Ёкуль схватилъ бычачью кость и швырнулъ ее въ Годмунда, но никѣмъ не видимый Торстейнъ поймалъ ее на лету и, бросивъ

¹⁾ Ges. Schriften, т. VI, стр. 43.

обратно, попалъ въ мужа по имени Gustr=дуновение вѣтра, такъ что у него сломался носъ, и вылетѣли всѣ зубы. Тогда Герраудъ разсердился и велѣлъ устроить состязаніе, кто ловчѣе и сильнѣе въ метаніи. Для этого приносятъ черепъ моржа вѣсомъ въ 100 фунтовъ; онъ весь горѣлъ, такъ что искры отъ него летѣли, какъ изъ очага; жиръ же капалъ на полъ, какъ расплавленная смола. Король велитъ бросать другъ въ друга этимъ черепомъ; кто упадетъ, будетъ изгнанъ и его имущество отобрано; кто боится взять его въ руки, будетъ считаться трусомъ—nídingr. И вотъ начинается страшная игра: одному разбиваютъ щеку, другому спаливаютъ бороду, двое убито. Наконецъ, черепъ вылетаетъ въ отверстіе въ стѣнѣ, и игра кончается. Торстейнъ также принималъ участіе въ этой игрѣ, хотя никто не замѣчалъ его присутствія. Только благодаря его вмѣшательству Годмундъ и его люди спаслись отъ гибели.

Снорри ¹⁾ рассказываетъ то же самое про Тора, который также посѣтилъ дворецъ Геррауда—Geirrodargardr. Когда Торъ вошелъ въ залъ, Герраудъ клещами схватилъ раскаленный кусокъ желѣза и бросилъ въ гостя, но Торъ поймалъ желѣзо своими рукавицами. Герраудъ, правда, успѣлъ спрятаться за колонной, но ударъ Тора былъ такъ силенъ, что желѣзо пробило колонну, Геррауда, стѣну и застряло въ стѣнѣ. Мы можемъ предполагать еще другой вариантъ этого сказанія о Торѣ. Въ сагѣ о королѣ Гаральдѣ Жестокомъ ²⁾ рассказывается, какъ король при видѣ кузнеца, дерущагося съ кожевникомъ, приказываетъ скальду Тюдольфу сочинить пѣснь объ этомъ происшествіи, но такъ, чтобы кузнецъ явился бы въ роли Тора, а кожевникъ въ роли Геррауда. Въ строфѣ, сочиненной Тюдольфомъ, говорится, что Торъ изъ кузницы бросалъ въ великана горячіе куски мяса барановъ ³⁾. Хотя переводъ

¹⁾ Sn. Edda, стр. 108. Skáldskaparmál, гл. XVIII.

²⁾ Fms. т. IV, стр. 361—2.

³⁾ Varp ör þrætu þorpi
þórr smíðbelgja stórra
hvatt eldínjum höldnum
hafra kjöts at jötni.

этой строфы не вполне ясенъ, но важно то, что въ ней упоминаются бараны Тора. Правда, только по одному разсказу эти бараны употребляются въ пищу; но такъ какъ и въ сагѣ о Торстейнѣ сперва бросаютъ кость, а потомъ только раскаленный черепъ, то весьма возможно, что кость-мясо принадлежали къ первоначальному составу сказанія. Сюда же слѣдуетъ отнести еще эпизодъ изъ эддической пѣсни о великанѣ Гимирѣ ¹⁾). Послѣдній предлагаетъ Тору доказать свою силу, утверждая, что онъ не способенъ даже разбить опредѣленный кубокъ. Торъ бросилъ кубокъ съ такой силой, что раздробилъ каменные колонны, но кубокъ не разбился, а возвратился обратно къ Гимиру. По совѣту жены великана Торъ бросаетъ кубокъ вторично уже въ голову Гимира; тогда кубокъ разбивается, а великанъ остается невредимымъ.

На слѣдующій день устраивается другое состязаніе: борьба. Очередь доходить до Годмунда, но опять Торстейнъ помогаетъ ему, благодаря чему онъ и выходитъ побѣдителемъ. Такъ же рѣшается и борьба между Ёкулемъ и Всесильнымъ. Послѣдняя борьба происходитъ между Годмундомъ и Агди, ярломъ Геррауда. Когда послѣдній раздѣлся, всѣ увидѣли, что онъ былъ темень, какъ чортъ. Но и тутъ получается тотъ же исходъ. слѣдуетъ пирь, во время котораго приносятъ два громадныхъ золотыхъ кубка въ 2 локтя въ вышину; они называются «бѣлыми» — Hvítin-gar. Кубки эти ходятъ по рукамъ. Каждый долженъ осушить его однимъ приемомъ; кто же окажется не въ состояніи этого сдѣлать, тотъ долженъ платить виночерпію штрафъ. Благодаря содѣйствію Торстейна никто изъ мужей Годмунда не терпитъ пораженія.

Посѣщая Утгардалоки, Торъ также выказываетъ свою силу, но менѣе удачно, чѣмъ Торстейнъ. Сперва ему предлагаютъ осушить большой рогъ за разъ. Торъ три раза пьетъ изъ рога, но несмотря на это напитка убавилось очень мало. Впослѣдствіи онъ узнаетъ, что конецъ рога опускался въ море, и чтобы осушить рогъ, ему пришлось

¹⁾ Hymiskviða, строфы 28—31.

бы выпить все море. Но и то, что онъ теперь выпилъ, представляетъ собой порядочное количество; люди прозвали это явленіе отливомъ. Послѣднее испытаніе Тора заключается въ борьбѣ со старухой Элли. Какъ онъ ни старался, а старуха все не поддавалась. Наконецъ, она подставила Тору ногу и повалила его. Немудрено, потому что Элли не простая старуха, а сама старость ¹⁾). Врядъ ли рассказъ Снорри когда-нибудь былъ распространенъ въ народѣ; очевидно онъ передаетъ сказаніе о Торѣ уже въ той передѣлкѣ, которую оно получило у скальдовъ. Послѣдніе придали состязаніямъ Тора аллегорическій смыслъ; но тогда долженъ былъ измѣниться и самый результатъ ихъ.

На слѣдующій день приносятъ уже другой кубокъ— *Grímur hinn gódi*. На немъ изображена человѣческая голова, которая предсказываетъ будущее, въ особенности же грозящія опасности. Тогда Годмундъ припоминаетъ, что если король узнаетъ, что среди нихъ находится христіанинъ, то они все погибнутъ. Но Торстейнъ и въ этомъ случаѣ находитъ исходъ. Когда Годмунду предлагаютъ пить изъ рога, онъ по совѣту Торстейна спимаетъ съ себя корону и надѣваетъ ее на голову Грима, шепча ему на ухо, что онъ ему будетъ оказывать гораздо больше почету, чѣмъ Герраудъ. Поднося кубокъ къ губамъ, Годмундъ однако не пилъ, боясь отравы, и вылилъ весь напитокъ за пазуху. Послѣ него пьютъ еще другіе, Герраудъ, ярль Агди, Ёкуль и Полносільный, и каждый даритъ что вибудъ Гриму. Послѣ этого въ залъ входитъ Торстейнъ. Герраудъ видитъ его въ первый разъ. Годмундъ поясняетъ, что это его слуга, знающій много фокусовъ—*smáleika*. Торстейнъ теперь показываетъ свое искусство съ помощью камня и прута, вызывая сперва градъ и мятель, затѣмъ палящій зной, наконецъ, огненные искры. При послѣднемъ явленіи всѣмъ придворнымъ приходится защищать свои глаза. Воспользовавшись ихъ замѣшательствомъ, Годмундъ убѣгаетъ. Находясь уже въ самыхъ дверяхъ, Торстейнъ бросаетъ камень и пруть въ Геррауда и попадаетъ ему въ оба глаза.

¹⁾ Sn. Edda, стр. 65—7, *Gylfaginning*, гл. XLVI.

Герраудъ падаетъ мертвымъ на полъ. Что Торъ убиваетъ Геррауда, явствуется также изъ разсказа Снорри.

Торстейнъ и Годмундъ уѣзжаютъ домой. На томъ же мѣстѣ, гдѣ они раньше встрѣтились, они и расстаются. Годмундъ посылаетъ королю Олафу поклонъ и подарки: золотую чашу, серебряное блюдо и вышитое золотомъ полотенце. Раньше чѣмъ отправиться въ Норвегію, Торстейнъ встрѣчается еще съ Гудруной (Godrún), дочерью ярла Агди, и увозить ее съ собой. При дворѣ Олафа всѣ удивляются подаркамъ Годмунда: полотенце, напримѣръ, не горитъ, когда его бросаютъ въ огонь. Торстейнъ женится на Гудрунѣ. Въ брачную ночь внезапно является Агди, но король поражаетъ его такъ, что Агди предпочитаетъ скрыться подъ землю, захвативъ, однако, съ собой кубки Hvítingar.

Спустя нѣкоторое время Торстейнъ еще въ третій разъ ѣдетъ на востокъ и заявляетъ свои права на имущество Агди, такъ какъ онъ женатъ на его дочери. Вступивъ во владѣніе наслѣдствомъ, Торстейнъ вмѣстѣ съ тѣмъ становится подданнымъ Годмунда. Еще разъ его беспокоитъ Агди. Оказывается онъ поселился въ курганѣ, откуда и совершаетъ свои внезапные выходы. На сей разъ Агди не можетъ проникнуть въ домъ Торстейна, потому что на каждой двери виднѣтся крестъ. За то Торстейнъ улучаетъ моментъ, когда доступъ къ кургану открытъ, и выносить оттуда два кубка, похищенные Агди еще въ Норвегіи. Выходя изъ кургана, Торстейнъ дѣлаетъ крестное знаменіе надъ дверьми (setti kross í dyrnar) и съ тѣхъ поръ уже Агди не показывался никому.

Согласно сдѣланному нами уже раньше наблюденію, когда въ одной и той же сагѣ разсказывается о нѣсколькихъ однородныхъ событіяхъ, непременно одинъ разсказъ болѣе поздняя прибавка и подражаніе другому. Въ сагѣ о Торстейнѣ разсказъ о первой его поѣздкѣ на востокъ придуманъ позднѣе: въ немъ почти ни одно лицо не называется по имени. Далѣе на позднее происхожденіе указываетъ сказочно наивный тонъ. Разсказчикъ понялъ выраженіе á gandreid fara буквально: ѣхать верхомъ на палкѣ. Такъ какъ только дѣти предаются подобной забавѣ, то

дѣйствующимъ лицомъ стало дитя. Въ обоихъ разказахъ Торстейнъ невидимъ; здѣсь онъ приноситъ королю скатерть, тамъ—полотенце. Если бы оба разказа возникли одновременно, между ними была бы какая нибудь связь. Другое дѣло—третья повѣдка; она органически связана съ предыдущимъ путешествіемъ Торстейна, хотя эпизодъ объ Агди и развитъ въ религіозномъ духѣ. Итакъ, первый разсказъ мы считаемъ возникшимъ уже въ зависимости отъ второго; единственная самостоятельная въ немъ черта—дымящаяся рѣка. Но и ее легко было найти, разъ дорога вела въ царство мертвыхъ.

Въ слѣдующемъ изложеніи я считаю возможнымъ сдѣлать нѣкоторыя сокращенія:

1) Среди подарковъ карлика мы находимъ и сорочку и перстень, которые никакого значенія для Торстейна не имѣютъ. Слѣдуетъ думать, что они попали въ разсказъ какъ общее мѣсто.

2) Излишними кажутся мнѣ и великаны, которыхъ Торстейнъ видитъ сперва. Опять разсказъ обходится совершенно безъ нихъ; вѣдь при дворѣ Геррауда упоминаются только Всесильный и Полносильный. Лошади остальныхъ не могутъ плыть даже черезъ пограничную рѣку. Не знаю, съ какой стати они вообще введены въ разсказъ.

3) При дворѣ Геррауда два раза устраивается особая выпивка; сперва изъ кубковъ *Hvítingar*, потомъ изъ кубка *Grimr hinn gódi*. Такъ какъ послѣдній эпизодъ обставленъ причудливыми, иногда прямо непонятными подробностями, то я считаю его болѣе позднимъ изобрѣтеніемъ. Отмѣтимъ также, что Торстейнъ увозитъ съ собой только два первыхъ кубка, а не болѣе драгоценный кубокъ—«Добрый Гримъ». Наконецъ, «бѣлые» кубки встрѣчаются и въ послѣдней части.

Упрощенная такимъ способомъ, сага о Торстейнѣ сводится къ тремъ моментамъ: 1) къ встрѣчѣ съ Годмундомъ, 2) къ состязаніямъ при дворѣ Геррауда, 3) къ убіенію Геррауда.

Кромѣ вышеуказаннаго сходства съ сказаніями о Торѣ, сага о Торстейнѣ не лишена точекъ соприкосновенія и съ разсказомъ Саксона о Торкилѣ:

1. Имя Обихъ направлено въ царство Годмунда.

2. Съ Обихъ рассказами тѣмъ связано сказаніе объ убійствѣ Геррауда.

3. Обихъ германъ характеризуетъ рѣдкія драгоценности; они ищутся имъ и истребляются за это преслѣдованію.

4. И здѣсь и тамъ подтверждается разница въ религіяхъ, при чемъ Годмундъ и его народъ — язычники.

Не оправдывается традиціей о Турѣ женитба Торстейна на Гулрунѣ. Эта черта навѣяна тѣми рассказами о Біармаландѣ, въ которыхъ герой кромѣ несчетныхъ богатствъ привозитъ изъ чужбины еще невѣсту¹⁾. Ярль Агди можетъ быть заимствованнымъ прямо изъ саги объ Эйстейнѣ, тѣмъ болѣе, что роль его въ Обихъ сагахъ какъ будто сходится.

XIII.

Рассказъ о Гельги, сынѣ Ториръ²⁾.

Недалеко отъ Вика жилъ нѣкій Ториръ; у него было два сына — Гельги и Торстейнъ. Ториръ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ королемъ Олафомъ. Лѣтомъ братья отправились къ финамъ продавать масло и сало. Послѣ прибыльной торговли они къ концу лѣта возвращались домой изъ Финмарка. Однажды они остановились у мыса *Vimund*, который покрытъ былъ весьма хорошимъ лѣсомъ. Все вышли на берегъ, но Гельги углубился дальше другихъ въ чащу лѣса; спустилась такая тьма, что онъ не находилъ дороги обратно къ кораблямъ. Когда спустилась ночь, Гельги увидѣлъ 12 женщинъ, ѣдущихъ верхомъ на красныхъ коняхъ и въ красной одеждѣ. Сбруя блистала золотомъ. Среди нихъ одна выдавалась замѣчательной красотой, а другія, казалось, прислуживали ей. Онъ соскочилъ съ коней и разложили богатый шатеръ. Затѣмъ они принялись пировать. Вдругъ главная изъ нихъ подозвала Гельги и пригласила его принять участіе въ ихъ весельи. Она

¹⁾ Илпримъръ, Веси въ Босасагъ.

²⁾ Рмв. т. III, стр. 135--141.